

классическим образцам. На это Салутати вновь возразил: ничто так не похоже на Слово Божье, как поэзия («Nullum enim dicendi genus majus habet cum divinis eloquiis et ipsa divinitate commercium quam eloquentiam poetarum»)** . Этот ответ Салутати заслуживает особого внимания потому, что он содержит самое находчивое опровержение классического аргумента противников изящной словесности, которое только можно измыслить: вы в свою пользу ссылаетесь на Иеронима и вы хорошо знаете, что его бичевали перед Божьим судом за то, что он читал слишком много поэтов. Это верно, признает Салутати, но что это доказывает? Бог не желал, чтобы Иероним читал поэтов, потому что желал, чтобы тот посвятил все свое время переводу Библии: так что Бог приказал бичевать его, чтобы призвать к порядку. Но Бог желал, чтобы Августин построил свой «Град Божий», для которого столько камней заимствовано у классических авторов: поэтому Он никогда не запрещал чтение Августину. Проведя некоторое время в молчании, Джованни вновь обратился к своей теме в 1406 г. в письме, адресованном юному другу самого Салутати и поэтов Анджело Кор-бинелли, причем Салутати сам ответил на него 26 марта того же года длинным письмом, истинной Защитой Поэзии, где чувствуется довольно редкое у этих друзей красноречия стремление доказывать, вместо того чтобы убеждать. Салутати широко пользуется авторитетом Августина («О Граде Божием», XVIII, 14), чтобы указать, что первые поэты были теологами, и ответом Иеронима Магнусу (Epist. 70; Migne J. P. (ed.). Patrologiae cursus completus, Series latina. P. 5 1879—1890, t. 22, col. 664—668). В этом тексте, подлинном арсенале аргументов для друзей поэтов, Иероним объявлял о своем решении стать узником Христа, отказавшись от мудрости мира сего, «propter eloquii venustatem et membrorum pulchritudinem»*** — формулировка, которую позднее воспринял Абеляр. Отметим, кстати, появление нового подкрепления — трактата св. Васи-

Глава X. Возвращение светской лит-ры и итоги философии средних веков 554

лия о характере использования языческих авторов, который перевел на латинский (между 1398 и 1404) Леонардо Бруни Аретино.

Очевидно, что место битвы несколько изменилось. Диалектика и схоластическая теология больше не имеют в Италии такого влияния, которое подвергало бы опасности изучение античной литературы. То, что угрожало ей, — это, скорее, дух, присущий учениям Петра Дамиани и Савонаролы* и нацеленный прежде всего против соблазнительной красоты языческих поэтов. Со своей стороны, Салутати отлично видел связь обоих аспектов проблемы, и он сам признается, что ничего не сделал, чтобы защитить и прославить поэзию, которая дала ему все, что Цицерон говорил о красноречии в книге «Об ораторе» (I, 4, 20; I, 16, 70). А ведь нет ничего более законного, потому что, как сказал сам Цицерон, «finitimus est oratori poeta»**; поэт — не более чем оратор, но несколько более строгий в своей ритмике и несколько более свободный в выборе слов. В этом же ключе Салутати восхищается Петраркой: «Judicavi semper eum hominem eloquentissimum et virum doctissimum»***. Для Салутати, как и для Петрарки, красноречие остается самой благородной формой человеческого знания, но, в отличие от Петрарки, Салутати не игнорирует и не презирает усилий предшествующих веков сохранить ее. Любовь к родине, искажаясь, не приводит его, однако, к национализму. Салутати знает, что «eruditio» сохранилась до времен Бернарда Клервоского и Петра из Блуа, как у женщин, так и у мужчин («Epistolario», I, 4); эта эрудиция с тех пор была почти полностью утрачена, однако совсем недавно ее удалось возродить. Салутати знает и хвалит поэмы Гильдеберта из Лавардена (I, 8)****; он ищет копию «Переписки» Элоизы и Абеяра и, кажется, получает ее (I, 20). Безусловно, Ив Шартрский, Бернард Клервоский, Гильдеберт из Лавардена, Петр из Блуа, Петр (Пьер) Абеляр, Иоанн Солсберийский не могут сравниться с антич-